

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2021

А. А. Хохлов

Церковное правосудие в епархиальной практике в Синодальный период (на примере «Седмиозерного дела»)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_429

Аннотация: Статья посвящена обзору правовых аспектов резонансного следственного процесса, инициированного в 1908 г. архиепископом Казанским и Свияжским Никанором (Каменским) в отношении видного подвижника благочестия земли Казанской наместника Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова) и его духовного воспитанника будущего священномученика иеромонаха Тихона (Бузова). Совокупность указанных мероприятий, продлившихся в период с 1908 по 1910 гг., получила название «Седмиозерное дело» и была введена в историографию автором настоящей публикации. На основе архивного материала, а также опубликованных источников государственного и церковного права, действовавших в период поздней империи, раскрывается сложная и неоднозначная картина осуществления епархиального правосудия, приоткрывающая завесу над одной из сторон синодальной системы.

Ключевые слова: «Седмиозерное дело», схиархимандрит Гавриил (Зырянов), иеромонах Тихон (Бузов), донос, следствие, монастырское хозяйство, наказание, правосудие, судопроизводство.

Об авторе: **Александр Анатольевич Хохлов**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Ссылка на статью: Хохлов А. А. Церковное правосудие в епархиальной практике в Синодальный период (на примере «Седмиозерного дела») // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 429–437.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

Alexander A. Khokhlov

Church Justice in Diocesan Practice
during the Synodal Period
(Based on the Example of the “Sedmiezerny Case”)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_429

Abstract: The article is devoted to an overview of the legal aspects of the resonant investigative process initiated in 1908 by Archbishop Nikanor (Kamensky) of Kazan and Sviyazhsk in relation to the prominent devotee of piety of the Kazan land, the abbot of the Kazan Hermitage of the Mother of God of the Seven Lakes Schema-Archimandrite Gabriel (Zyryanov) and his spiritual disciple, the future hieromartyr Hieromonk Tikhon (Buzov). The totality of these events, which lasted from 1908 to 1910, was named “The Semiezersky Case” and was introduced into historiography by the author of this publication. On the basis of archival material, as well as published sources of state and ecclesiastical law in force during the period of the late Empire, a complex and ambiguous picture of the implementation of diocesan justice is revealed, opening the veil over one of the sides of the synodal system.

Keywords: “Sedmiezerny case”, Gabriel (Zyryanov), Tikhon (Buzov), denunciation, investigation, monastery economy, punishment, justice, judicial proceedings.

About the author: **Alexander Anatolyevich Khokhlov**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Anthropology and Ethnography, Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Institute of International Relations, Kazan Federal University.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Article link: Khokhlov A. A. Church Justice in Diocesan Practice during the Synodal Period (Based on the Example of the ‘Sedmiezerny Case’). *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 429–437.

Епархиальное судопроизводство в Синодальный период является одной из наименее изученных страниц истории Русской Церкви. В силу ряда причин исследователи предпочитали уделять большее внимание крупным проблемам, носящим обобщающий характер. При этом микроисторическая составляющая, несмотря на обилие архивного материала, продолжает оставаться вне их поля зрения. Априорно предполагалось, что частные случаи, сколь резонансными и судьбоносными для отдельных лиц они бы ни были, имели слабое влияние на общий характер и динамику масштабных явлений и процессов, которые в России в большей степени зависели от столичной конъюнктуры, нежели от положения дел на местах. Совершенно упускался из виду тот факт, что именно многообразие практик в огромном пространстве русской церковной ойкумены является наиболее достоверным отражением подлинной картины ее жизни в конкретный исторический период. Склонность, даже упор на теоретизирование, рассмотрение аспектов церковного права в отрыве от реалий повседневности сыграли злую шутку. Одно дело, каким в идеале в представлении канонистов церковное право должно было бы быть, другое — каким оно было на самом деле. Как следствие, терялся подлинный облик Церкви во всей его неповторимости, многогранности и противоречивости; оказывались в тени акторы уникальных событий — живые творцы истории. Утрачивалась ценнейшая возможность приобретения нравственного опыта на основе аутентичных примеров.

Значение «Седмиозерного дела» в обозначенном плане трудно переоценить. Оно привлекает внимание не только в силу парадоксального участия в нем высокого духовного авторитета периода поздней империи — старца Гавриила (Зырянова), проводника оптинской аскетической традиции в Волго-Уралье, на рубеже столетий снискавшего всенародную любовь, но и «темными» мотивами затеянного епархиальным архиереем следственного процесса на фоне цветущей в духовном и хозяйственном отношении Седмиозерной обители, четко просматривающимися в этом деле нарушениями фундаментальных правил и норм христианского правосудия.

Для того чтобы ввести читателя в суть проблемы, дадим делу краткое описание. 5 апреля 1908 г. Святейшим Синодом на казанскую архиерейскую кафедру был назначен варшавский преосвященный — архиеп. Никанор (Каменский). Новый архиерей прибыл в Казань 6 мая. Через неделю после прибытия — 12 мая — архипастырь начинает экстренно запрашивать из духовной консистории подробные отчеты по финансам Седмиозерного монастыря за последний квартал 1907 г. Сам по себе этот шаг не вызывает подозрений: вопрос касался одного из богатейших монастырей, да еще и приписанных к Архиерейскому дому. Иными словами, Седмиозерная пустынь была одним из тех источников, откуда казанские владыки получали кормление. Впрочем, указанные отчеты ранее уже рассматривались покойным предшественником Никанора архиеп. Дмитрием (Самбикиным) и нареканий не вызвали.

Запросу отчетности предшествовало интересное событие. 11 мая на имя правящего архиерея поступил донос некоего купца Иванова, насыщенный претензиями в адрес руководства Седмиозерного монастыря. Доносчик в подробностях описал свое посещение пустыни и те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться. При этом он четко обозначил круг виновных в «ужасающем состоянии» монастыря. В их числе значился не только наместник схиархим. Гавриил, но и его духовный воспитанник — казначей иеромонах Тихон. При этом под дело подводился не только дисциплинарный и финансовый, но и политический подтекст: завсегдагатами в обители слыли евреи и поляки, промышленявшие к тому же карточной игрой. Монастырское хозяйство находилось в упадке, а братия голодала. Согласно Иванову, архиеп. Дмитрий был в курсе происходящего и готовился сместить схиархим. Гавриила. Но связь последнего с архиерейским келейником Хрисанфовичем, а также регулярные мздоимства позволяли влиять на настроения архиерея: «А схимник умеет всякого Архиерея обольстить и убедить своими лживыми словами. Хотя и следовало бы на таких отцов обратить серьезное внимание... Жаль, очень жаль, что от таких отцов страдает обитель» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 45).

Иванов оказался не единственным в своем роде. В архивных документах фигурирует другой доносчик — почетный гражданин Поливанов. Донос Поливанова в целом созвучен доносу Иванова. Его текст сохранился в архиве канцелярии обер-прокурора Синода. Доносчик жаловался Никанору: «Седмиозерная пустынь, управляемая архимандритом Гавриилом и очень молодым казначеем Тихоном (бывшим келейным схимником), находится в плачевном состоянии. Из них первый по причине старости и болезни совершенно ничего не делает, а второй очень редко находится в монастыре и проводит время в городе Казани... где разъезжает по ночам, занимается карточной игрой и проигрывает в вечер по 200 рублей, посещает подозрительные дома, от сего и производит большой соблазн» (РГИА. Ф. 797. Оп. 78. Отд. III. Ст. 5. Д. 124. Л. 1). Тем не менее в одном моменте Поливанов пошел дальше Иванова: он прямо обвинил схиархим. Гавриила и иеромонаха Тихона в связях с социал-демократической партией и уклонении от совершения богослужения в царские дни. Таким образом, и здесь делу накрепко был пришит политический подтекст.

Доносы стали основой для запуска следственных мероприятий. Следуя Уставу духовных консисторий, архиерей назначил дознание. 12 мая в монастырь был направлен благочинный первого округа монастырей Казанской епархии архим. Экзакустодиан, наделенный полномочиями дознавателя. Пользуясь опросным листом, он провел беседу с монастырскими клириками. Опрос показал: благочинный иеромонах Палладий не видел иеромонаха Тихона, играющего в карты, хотя слухи об этом до него доходили. Братский духовник иеромонах Иннокентий высказал подозрение, что донос ложный, а лицо, его написавшее, — вымышлено: «Я знаю казначея о. Тихона, как человека трезвого и скромного» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 46). Иеромонах Мартиан дурного поведения иеромонаха Тихона не подтвердил. Иеромонах Никон и вовсе заявил: «Из ненависти и зависти многие болтают, но я знаю о. Тихона как хорошего человека» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 46). Иеродиакон Сергей, Агафангел, Иреней, Феодосий и Илия про картежничество казначея ничего не слышали. Иеродиакон Пантелеимон также выказал уверенность, что сплетни и слухи об иеромонахе Тихоне распространяют враги, которых у него в изобилии. Иеродиакон Серафим также встал на сторону иеромонаха Тихона. И только иеромонах Антоний, сообщил архим. Экзакустодиану: «Слышал от надежных людей, что Тихон играет с врачами даже в келье»; также «слышал, что есть внушительные долги по церковным лавкам и у администрации монастыря проблемы с приходно-расходными книгами» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 47–47 об.).

15 мая архиеп. Никанор поставил на рапорте дознавателя резолюцию: «иеромонах Тихон переведен для исправления в Михайло-Космодемьянский монастырь» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 43). В тот же день старец Гавриил подал на имя архиерея прошение об увольнении на покой в связи с болезнью. Архиепископ против отставки возражать не стал: «По болезни и согласно прошению архим. Гавриил увольняется от занимаемого им места» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 41). Монастырь перешел под управление «правой руки» архиеп. Никанора архим. Андроника (Богословского).

Вместе с тем дознание плавно перетекло в следствие, и далее последовали многочисленные проверки и ревизии всего монастырского хозяйства, выявившие финансовые проблемы на сумму более 10 тыс. рублей, которые были оценены как результат злоупотреблений администрации пустыни (РГИА. Ф. 797. Оп. 78. Отд. III. Ст. 5. Д. 124. Л. 6). Несмотря на попытки оправдаться, предпринимавшиеся старцем, продолжавшим находиться в монастыре под нескрываемым психологическим давлением нового наместника, а также его духовным чадом о. Тихоном, переведенным из Космодемьянской Михайло-Архангельской пустыни в монастырскую тюрьму в Чебоксарский Свято-Троицкий монастырь, архиерей и архим. Андроник в своем требовании возместить огромную сумму оставались непреклонны. Вконец расстроенное здоровье схиархим. Гавриила побудило тех немногих из его духовных чад, которые остались рядом с ним, действовать. Давние почитатели старца супруги Барловы обратились к архиеп. Никанору с просьбой разрешить о. Гавриилу поселиться на их хуторе неподалеку

от монастыря в целях обеспечения ему надлежащего ухода и покоя. Земский же врач Г. Владимиров, освидетельствовавший больного, подтвердил, что его здоровье вызывает опасение и в тех условиях, которые имеются в монастыре, старец находится более не может.

Тяжба с разрешением схиархим. Гавриилу выехать из монастыря продлилась без конкретного результата до конца лета 1908 г., пока инициатива псковского епископа Арсения (Стадницкого) и духовного воспитанника старца по Казанской духовной академии игумена псковского Спасо-Елеазарова монастыря Иувеналия (Масловского) не вызволила ослабшего о. Гавриила из-под юрисдикции владыки Никанора. Вероятно, это в прямом смысле стало для него спасением, поскольку по всем признакам пребывание в прежней атмосфере прямо угрожало его жизни. Обратное в Казань он вернется только в августе 1915 г., уже при других обстоятельствах и после смерти своего гонителя — казанского архиерея. Впрочем, докуки из Казани с требованием возместить якобы растраченные в период наместничества 10 тыс. рублей не оставляли о. Гавриила и на Псковщине. Однако благоволение великой княгини Елизаветы Федоровны и псковского архиерея сводили на нет эти претензии.

Такова в общих чертах эта неоднозначная история. Нас же интересуют нюансы следственного процесса, поскольку именно в них кроются специфические элементы той практики, которая стала отличительным почерком архиеп. Никанора в период его недолгого управления Казанской епархией.

Важно обратить внимание на то, какими основными источниками права архиерей должен был руководствоваться при осуществлении правосудия. И здесь картина не вызывает двусмысленных толкований: это церковные каноны, депонированные в Книге правил, и Устав духовных консисторий в редакции 1883 г. Вместе с тем, коль скоро в «Седмиозерном деле» прозвучали политические обвинения, оно автоматически попало в сферу ответственности государственных служб. Но принадлежность монахов к Российской социал-демократической рабочей партии должна была не просто привлечь внимание органов имперского политического сыска. В правильном понимании замысла доносчиков основополагающую роль играет контекст событий. В период «стольпинских репрессий» (1906–1910) РСДРП, в ряду других оппозиционных партий, подвергалась тотальному преследованию властей. Следует признать, что и сами революционеры немало способствовали росту реакции, в том числе нескрываемым радикализмом политических целей и резонансными террористическими актами. В силу этого, учитывая обусловленную обстоятельствами пластичность законодательства, к обвиняемым вполне могла быть применена та же ст. 124 Уголовного уложения от 1903 г. Согласно ей, виновный в участии в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке, наказывался заключением в крепость на срок не свыше одного года или арестом (Уголовное уложение, 1903, 52). Принимая это во внимание, можно представить, какими бедами потенциально грозило схиархим. Гавриилу и иеромонаху Тихону столь серьезное обвинение.

Между тем ст. 150 Устава духовных консисторий предписывала: «если духовное лицо оговаривается в противозаконных действиях, подвергающих его уголовному суду, то первоначальное исследование проводится в духовном ведомстве, при чиновнике градской или земской полиции, и если оговоренный при исследовании не отчистит себя от оговора, то он предается уголовному суду по определению консистории» (Устав, 1900, 58). Однако если дело имело экстренный характер и не терпело отлагательства, то именно гражданским властям принадлежит первенство в инициировании и организации расследования. Они же приглашали и представителя Церкви. Впрочем, могли запустить процесс и без приглашения такового (Устав, 1900, 58).

Но как все выглядело в нашем случае? Архивные материалы четко свидетельствуют: архиеп. Никанор о факте политических обвинений в адрес схиархим. Гавриила и иеромонаха Тихона гражданские власти в известность не поставил. Причина этого могла крыться в нежелании общественного резонанса, неизбежного в таком случае, в особенности когда дело касалось столь широко известного

духовного авторитета. Поэтому расследование архиереев ограничил церковными рамками, предпочитая сохранить его во внутриепархиальном статусе. Но это благодарное объяснение разбивается о свидетельства документов. Причина решения архиерея заключалась, вероятно, в ином.

Вряд ли архиеп. Никанор сомневался в политической безупречности обвиняемых. Если бы какая-то вина за о. Гавриилом и о. Тихоном действительно была, архиереем узнал бы об этом не от таинственных доносчиков, а от той же полиции и жандармерии. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с перепиской губернатора или полиции с епархиальными владыками в обозначенное время. Работа «охранки» по отслеживанию революционного движения в губернии в тот период была поставлена на очень высоком профессиональном уровне. Проведенный же нами анализ архивов губернского жандармского управления имен о. Гавриила и о. Тихона в списках неблагонадежных лиц не выявил. И если это так, то приглашение полицейских или жандармов в консисторию без должных оснований могло обернуться курьезностью и щепетильностью ситуации. И действительно, все обвинения старца и монастырского казначея в политической неблагонадежности спустя, правда, значительное время, были обоснованно дезавуированы епархиальным следователем прот. Михаилом Меньшиковым (ГАРГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 67).

Шаткость политических обвинений была обусловлена самим характером доносов и отношением к ним архиерея. Владыка Никанор не проявил к их авторам ни малейшего интереса. Хотя был обязан. Согласно 21 правилу IV Вселенского Собора, церковным властям не следует принимать доноса на клириков и мирян, доносящих на епископов или на клириков, не исследовав предварительно общественное мнение о доносчиках (Правила, 2021). Однако дальнейшее разбирательство пошло поперек этой канонической нормы. Дальше — больше. Дознаватель архим. Экзакустодиан, опросив далеко не всю монастырскую братию, которой на тот момент в обители числилось более 100 человек, поторопился составить обвинительное заключение и выступил с инициативой удаления из Седмиозерной пустыни иеромонаха Тихона. Основывался он при этом исключительно на показаниях иеромонаха Антония, полностью проигнорировав мнение других опрошенных. Эта спешка посланника консистории наводит на довольно тривиальные выводы. В особенности принимая во внимание ряд нижеследующих обстоятельств.

Во-первых, к личностям «надежных людей», о которых упоминал в ходе опроса иеромонах Антоний, архим. Экзакустодиан, по примеру архиеп. Никанора, не проявил ни малейшего интереса. Но вот выбор в качестве «слабого звена» иеромонаха Антония был отнюдь не случаен. Как нам удалось установить, о. Антоний ранее был в напряженных отношениях с наместником. До 1902 г. он занимал должность монастырского эконома, но отношения с о. Гавриилом у него не сложились, и старец заменил его своим келейником — иеромонахом Тихоном. Отсюда и его осведомленность в вопросах монастырской бухгалтерии. Симптоматично, что после «падения» о. Гавриила и о. Тихона иеромонах Антоний вновь возвращается на прежнюю должность (ГАРГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122830. Л. 32).

Во-вторых, довольно неоднозначна в свете рассматриваемых событий персона самого епархиального дознавателя. Жизнеописатель схиархим. Гавриила еп. Варнава (Беляев) в труде «Тернистым путем к небу» отмечает: благочинный монастырей был давним недругом о. Гавриила и периодически не брезговал кознями против него (Беляев, 1996, 278). Таким образом, трудно отказаться от предположения, что архиереем был в курсе складывающейся диспозиции, если не допустить большего: архиеп. Никанор был ее организатором и направляющим. Наряду со своим протеже архим. Андроником, который, судя по документам, проявлял особую энергию в вопросе, да так, что уже 15 мая занял место старца Гавриила. Сомнительность реального существования Иванова и Поливанова вконец омрачает представленную картину. Так, историк Е. В. Липаков, изучивший списки почетных граждан Казани за указанный период, обнаружить в них Поливанова так и не смог. А это прямо наводит на мысль, что доносы

были инспирированы в окружении самого архиепископа и он знал об этом. И на беду седмиозерских страдальцев, когда епархиальным следователем прот. М. Меньшиковым была доказана абсурдность политических и ряда других обвинений (к примеру, в упадке монастырского хозяйства), оправдательного потенциала этот факт уже не имел: старец Гавриил и о. Тихон давно были смещены и затравлены. Поэтому и отсутствие в деле представителей гражданской власти вполне объяснимо: их участие было не к месту и заранее вовсе не предполагалось.

Но в чем был мотив столь замысловатого подхода к «Седмиозерному делу», если вполне можно было бы ограничиться простой заменой одного наместника на другого без излишней нервнойности? Ответ на этот вопрос выходит за рамки данной статьи, хотя справедливости ради и следует оговориться: дело было не только в желании архиерея поставить во главе богатого монастыря своего человека. Оно густо замешано на личных мотивах, что и побудило епархиальную власть нарушить все мыслимые правила и процедуры судопроизводства.

В рассматриваемом вопросе была и другая составляющая — финансовая. Как отмечалось выше, Ревизионной комиссии в ходе тщательных проверок удалось-таки обнаружить в монастырских финансах серьезную брешь (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 500). Однако никто так и не смог доказать, что деньги были украдены (на чем и строилось все обвинение). Собственно, итоговый отчет комиссии заявляет о «небрежном управлении монастырским хозяйством», неграмотном ведении приходно-расходных книг и прочем. С юридической точки зрения, здесь все было относительно безупречно. Согласно 90-му правилу Карфагенского Собора, лица, состоящие в клире, в течение года должны позаботиться о доказательствах своей невиновности по обстоятельствам доноса (Канонические правила, 2021). Такая возможность, по крайней мере в части финансового вопроса, старцу Гавриилу и иеромонаху Тихону была предоставлена, и они ею активно пользовались. Впрочем, все их попытки в итоге оказались тщетны. Ни очевидность роста финансового благосостояния монастыря в период с 1902 по 1908 гг., ни масштабы монастырского хозяйства, тщательный бухгалтерский контроль над которым является делом крайне многотрудным, а следовательно, чреват недостатками, ни апелляция к истории с внушительными долгами предыдущего наместника, с которыми о. Гавриилу при вступлении в должность пришлось смиренно расплачиваться, чашу правосудия в сторону подследственных не склонили. Снисходительности архиерея равно не прибавили и ссылки старца Гавриила на распространенную в Церкви практику конвертных денежных подношений высоким духовным гостям монастыря в периоды праздников (практика, бухгалтерскому учету в принципе неподвластная), а также фактическая мнимость долга в 10 тыс. рублей, т. к. эти деньги попросту находились в обороте монастырского хозяйства и источники их натурализации вполне были известны. С формальной точки зрения, в укор епархиальной власти о. Гавриилу и о. Тихону уже нечего было предъявить, поскольку в законодательстве против них имелась юридическая зацепка: Ревизионная комиссия действительно обнаружила проблемы в процедуре ведения приходно-расходных книг. А если так, то, согласно ст. 192 Устава духовных консисторий, «неисправное ведение приходно-расходных книг священнослужителями и причетниками наказывается выговором или денежной пеней, смотря по степени неисправности» (Устав, 1900, 75). Как следствие, «пени» и были назначены размером в невероятную по тем временам сумму. Ну а подследственным оставалось только молиться и терпеть, что они и делали.

В этой противоречивой истории христианскому братству и любви, увы, места не нашлось. Но и чистота сугубо юридических процедур, как мы убедились, также оказалась подпорченной. Устав духовных консисторий, несмотря на свое казенное происхождение и известную долю бюрократической составляющей, все же сохранил в себе элемент человеколюбия, сообразного природному духу Церкви. Формальное судопроизводство позволялось и не проводить, но допускалось вызвать священнослужителя к архиерею и сделать архиастырское вразумление, призвав к покаянию

с наложением епитимьи (Устав духовных консисторий, 1900, 61). Однако проблема заключалась в том, что указанная мера предписывалась в случае подтверждения оговора, чего в нашем случае не было. Между тем переступить через букву закона и распространить архипастырскую милость на все дело архиеп. Никанор не пожелал. Отцы Гавриил и Тихон так и не были вызваны в Архиерейский дом и не предстали перед преосвященным. Архиеп. Никанор действовал издали, посредством спускавшихся в консисторию резолюций и предписаний. Вместо личной встречи была выбрана стратегия дистанционного давления на подследственных с требованием неукоснительного возмещения обозначенной суммы. Эта заинтересованность, судя по документам, подогревалась уверенностью в фактическом наличии средств у старца Гавриила и иеромонаха Тихона.

Примечательно, что церковного суда, в конечном счете, также не состоялось. Но это, вероятно, стало следствием не злого умысла, а повсеместно бытовавшей в то время повседневной практики. Как отмечает С. Л. Фирсов, «в XX столетии церковный суд страдал смещением в лице епархиального архиерея всех судебных функций: обвинительной, следственной и судебной. От 1870-х гг. осталась и система бумажно-формальных доказательств: окончательное рассмотрение и решение дела сводилось лишь к выводу итогов из бумажного производства, представленного следователем, и к формальному подведению подходов к конкретному случаю узаконений» [Фирсов, 2002].

Но у этих недостатков судебной системы Церкви позднего периода синодальной эпохи подчас проступала и положительная сторона. В феврале 1910 г. «Седмиозерное дело» росчерком консисторского столоначальника было прекращено без всякого видимого участия архиерея и соблюдения долгих формальных процедур. Вряд ли это было чудом. Скорее данный акт стал возможным благодаря вмешательству высокой почитательницы старца Гавриила — великой княгини Елизаветы Феодоровны, человека, в строгом смысле слова находившегося за пределами церковной иерархии.

Так завершилась эта история, бросившая тень на принципы правосудия архиепископа Казанского и Свяжского Никанора (Каменского), ставшая в некотором роде хрестоматийной. Она довольно ярко продемонстрировала специфику церковного судопроизводства на местах в обозначенный период. В целом, его характер и исход целиком и полностью зависели от воли правящего архиерея, в то время как даже авторитетное и статусное по епархиальным меркам духовенство не имело надежных правовых инструментов, достаточных для защиты своего имени и достоинства. Апелляции схиархим. Гавриила в Синод по случаю недопустимого морально-психологического давления со стороны архим. Андроника (Богословского), которые в «Седмиозерном деле» имели место, к положительному результату не привели. Следуя бюрократической практике, канцелярия обер-прокурора попросту «спускала» жалобы духовного лица на консисторский уровень, где они вновь попадали в руки епископа. При этом сам архиерей в вопросе неукоснительного соблюдения норм канонического права какому бы то ни было эффективному контролю не подлежал, что усугубляло и без того острую проблему фактического бесправия епархиального монастырского и приходского духовенства в синодальную эпоху.

Источники и литература

Источники

1. Беляев (1996) — *Варнава (Беляев), еп.* Тернистым путем к небу (*Per aspera ad astra*). О многоплачевной и зело поучительной подвижнической во Христе жизни старца Седмиозерной и Спасо-Елеазаровой пустынь схиархимандрита о. Гавриила. М.: Паломник, 1996. 521 с.
2. ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122924. Л. 41, 43, 45–47 об., 67; Ф. 4. Оп. 1. Д. 122830. Л. 32.
3. Канонические правила — Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Карфагенский собор 393–419 гг. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravila-i-sobory-pravoslavnoj-cerkvi-karfagenskij-sobor/#0_90 (дата обращения: 12.05.2021).
4. Правила — Правила IV Вселенского Собора. URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/435474/> (дата обращения: 12.05.2021).
5. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 78. Отд. III. Ст. 5. Д. 124. Л. 1, 6.
6. Уголовное уложение — Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С приложением предметного алфавитного указателя. СПб., 1903.
7. Устав — Устав духовных консисторий. СПб., 1900.

Литература

8. Фирсов (2002) — *Фирсов С. Л.* Церковный суд в России в Синодальный период (краткий исторический обзор) // Исторический вестник. Воронеж, 2002. № 1(16). URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/6.htm (дата обращения: 12.05.2021).